

- И что же вы хотите сделать? Наказать тех мошенников? - спросил Орвицка господина Белое Лицо о его желании.

- А? - господин Белое Лицо замер. - Нет, я никогда не думал наказывать тех людей. На самом деле, я должен их поблагодарить. Именно их непрекращающееся появление говорило мне: "Еще есть надежда"... Я глупец, не так ли? Я хочу попросить вас о другом. Не могли бы вы похоронить меня вместе с женой и сыном?

Он протянул Орвицке кусок ткани, оторванный от рубашки. На нем кровью была написана фраза: "Деревня Айвад, к северо-востоку, самый большой бук, десять шагов на юг, там небольшой холм. Пожалуйста, похороните меня с моей любимой семьей. Добрый человек будет вознагражден".

- Я закопал там 2 золотых герба, - добавил он. - Я трусливый человек. Хотя я знаю, что непременно попаду в ад, но может быть? Может быть, будет шанс, что бог сжалятся надо мной, позволит мне остановиться у врат рая и взглянуть на них двоих. Если я увижу, что они наслаждаются счастьем, здоровьем и покоем в раю, я готов отправиться в ад. В конце концов, такие люди, как я, давно привыкли к адской жизни, не так ли? Пожалуйста, будьте уверены, я не умру на вашей пищевой фабрике. Когда почувствую, что время пришло, я уйду.

- Нет, вы великий ангел, господин Белое Лицо, - тихо произнес Орвицка.

Он был великим ангелом, который своими сильными руками защищал жену и сына. Именно благодаря существованию таких людей другие верили в прелесть семьи.

Хотя Орвицка давно знал, что у господина Белое Лицо наверняка есть своя история, он не ожидал, что она будет такой "обыденной" и в то же время такой трагичной. Обыденной, потому что подобные случаи были слишком распространены. В Содмане каждый день по меньшей мере в дюжине семей происходило нечто подобное. Часто причиной полного обнищания становилась не неизлечимая болезнь легких, а обычная простуда. А трагичной - без всяких сомнений...

- Вас похоронят там, где вы пожелаете, - когда Орвицка пообещал ему это, он даже немного забеспокоился: а не умрет ли тот через пару дней? По телевизору часто показывали людей, которые умирали сразу после исполнения заветного желания.

Но с тех пор господин Белое Лицо при каждой встрече выглядел здоровым. Вот и сейчас Орвицка постепенно успокоился.

Господин Белое Лицо был немного озадачен. Это был первый раз после переезда, когда Орвицка пришел к нему один.

- Что-то случилось, господин Мондэйл?

- Вы умеете писать песни? - спросил Орвицка.

- А? - удивился старик.

- Я хочу попросить кого-нибудь написать мне несколько песен. Первым я подумал о вас. Я заплачу по рыночной цене. Конечно, если вы захотите, я найду вам другое жилье. Как скажете.

- ??? - даже когда Орвицка объяснил причину своего визита, господин Белое Лицо все еще выглядел совершенно недоверчиво. - Меня? Писать песни? Мне? Э... вы... я... Вы знаете, что сейчас за дюжину айко можно нанять профессионального композитора для написания музыки? Если хотите что-то получше, то за несколько или дюжину золотых гербов можно нанять и выдающегося композитора.

- Я знаю, - кивнул Орвицка. - Но песни, которые мне нужны, немного особенные. Я хочу, чтобы это были песни, которые любите петь вы.

- Мы? - переспросил господин Белое Лицо.

- Да. Вы, самые простые люди. Песни, которые вы любите петь: грустные, веселые, с просторечиями и даже ругательствами - неважно, лишь бы это были ваши песни.

- А... э... я... - губы господина Белое Лицо шевелились, но выражение его лица сменилось с полного недоумения на некое подобие тоски. Он хотел писать, но не решался взяться за это дело. Наконец он сказал: - Я всего лишь трубоч... В лучшие времена своей жизни я лишь исполнял чужую музыку. Я никогда не сочинял сам.

- Вы можете использовать существующие мелодии, просто добавить новые слова, - предложил Орвицка. - Я прошу вас написать песни, чтобы найти занятие для рабочих. Люди на фабрике и в городе усердно трудятся, но нельзя просто постоянно работать, не поднимая головы. Особенно скоро зима, многие будут сидеть дома и не выходить. Мне нужно найти им какое-то занятие, иначе, вы знаете, большинство мужчин начнут думать о разврате, азартных играх или опасных ледовых поединках.

Ледовые поединки - это когда двое противников, обутые в деревянные башмаки, стоят на льду. У каждого в руках длинная деревянная палка. Их толкают сзади, и они несутся навстречу друг другу, пытаясь сбить соперника. За исключением отсутствия лошадей, такие поединки были очень похожи на средневековые рыцарские турниры и действительно произошли от них. У них была долгая история, и когда-то их называли "крестьянским рыцарским развлечением".

Существовал и другой вид ледового поединка: на льду устанавливали деревянный шест, а на него вешали домашнюю птицу в качестве цели для удара.

Первый вид поединка неизбежно заканчивался смертью или увечьем одного из участников. Второй тоже был очень опасен, ведь у участников, кроме тонкой одежды, не было никакой защиты. Оба вида ледовых поединков, без сомнения, были разновидностью азартных игр, и даже многие горожане из высшего общества приезжали посмотреть и сделать ставки.

У простого люда, едва сводившего концы с концами, было не так уж много развлечений после того, как они насытятся. У них просто не было выбора.

- Я... я попробую. Я попробую, - рука господина Белое Лицо прижалась к груди. Он никогда не думал, что его сердце может биться так сильно, что тело едва выдерживает. Он считал себя бесполезным стариком, ожидающим смерти, и никогда не предполагал, что еще может быть на что-то годен, что как человек, зарабатывавший на жизнь музыкой, он все еще может использовать свои знания.

- Спасибо, господин Белое Лицо. Я позже расскажу все Педро, он купит вам все необходимое. Куда вы хотите переехать?

- Я не хочу уезжать. Мне здесь нравится. Здесь я чувствую себя живым. Э-э, но когда я буду писать песни, я действительно буду мешать им работать. Могу я пойти писать в соседнее здание? Но жить я все-таки хочу здесь, - ответил господин Белое Лицо.

Соседнее здание - это был приют, где сейчас находилось уже более сорока детей. Самому младшему было меньше двух месяцев, его принесли с необрезанной пуповиной. Самым старшим был Сидро Тотре, старший сын той пары сутенеров.

- Конечно, - согласился Орвицка.

- Могу я... начать писать прямо сейчас? - с нетерпением спросил господин Белое Лицо.

Это было похоже на вежливое выпроваживание, но Орвицка не рассердился, а наоборот, обрадовался:

- Тогда я откланяюсь, господин Белое Лицо.

Педро и Максим еще не вышли. Судя по времени, Орвицка подумал, что они, вероятно, сейчас варят сахар - не так-то просто заполучить представителя Рода Крови, кроме самого Орвицки, в качестве рабочей силы.

Орвицка пошел в соседний приют. Как он и обещал четырем детям, жившим у него дома, переезд в приют не означал, что он их бросил. Наоборот, в приюте они могли получить лучший уход.

Дома, когда Орвицка и Далиан уходили на работу, дети могли лишь соревноваться в выполнении домашних дел или читать те несколько книг, которые были зачитаны до дыр. А когда случалось какое-нибудь дело, они могли не видеть Орвицку и Далиана по нескольку дней. Только госпожа Торрей из полицейского общежития приносила им еду. Это было похоже на тюремное заключение.

В приюте было больше детей, они могли играть вместе. Здесь были госпожа Белен, та женщина-оборотень с ребенком, и еще несколько женщин, которые заботились о них и учили их. Они могли учиться читать, писать, рисовать, ткать, шить, готовить и даже драться. Причем учились и мальчики, и девочки, все занятия были для всех полов.

Стоя у ворот приюта, можно было услышать доносившийся изнутри смех. В отличие от тех приютов, где круглый год царил тишина, здесь всегда были звуки: смех играющих детей, пение детских песенок, голоса, повторяющие короткие фразы. Когда заканчивался рабочий день на фабрике по переработке живых кур и пищевой фабрике, рабочие часто стояли снаружи. Детские голоса были утешением и для взрослых.

- Добро пожаловать, сэр, - госпожа Нэнси, мать покалеченного юноши-оборотня Аберта, открыла дверь. Она, должно быть, учуяла запах Орвицки.

- Здравствуйте, госпожа. Как дела в приюте? - поинтересовался Орвицка.

- Все хорошо, но есть одна проблема. Нам снова принесли восьмерых детей.

- ...Восьмерых? - удивился Орвицка. - Я же был здесь позавчера.

- Да, восьмерых, - подтвердила госпожа Нэнси. - Эти дети не сироты. Я чувствовала запах их родителей, бродивших снаружи приюта. Что нам делать, сэр? Если мы оставим их, то самое позднее через неделю у вас будет больше сотни детей.

- Детей Орвицки. Этот приют называли Приютом Мондэйл. Все дети, чьи фамилии были неизвестны, получали фамилию Мондэйл. Они называли Орвицку "сэр", но смотрели на него как на отца.

- Если характер этих детей не слишком испорчен, принимайте их, - решил Орвицка. - Я расширю приют. Вам не хватает рук?

- Очень не хватает, - призналась госпожа Нэнси.

- Потерпите еще немного. Через пару дней будут люди.

Орвица вошел во двор приюта. Игравшие дети увидели его, тут же широко улыбнулись и бросились к нему. Орвица опустился на одно колено, посмотрел детям в глаза, обнял каждого, оттащил в сторону негодника, пытавшегося получить два объятия, взял Дэнни за руку и повел детей к скамейке в стороне.

Дэнни гордо улыбалась. В конце концов, только ее сэр признавал девочкой.

Когда Орвица сел, Дэнни не стала занимать место рядом с ним, а подтащила девочку помладше и усадила ее Орвице на колени.

Когда Орвица уходил, Дэнни догнала его.

- Что такое? - Орвица был немного удивлен, что остальные дети не последовали за ней. Похоже, Дэнни уже окончательно утвердила свой авторитет.

- У нас есть секрет, который мы хотим вам рассказать, - прошептала Дэнни.

- Хорошо, говори, - Орвица снова опустился на одно колено, чтобы Дэнни могла подойти к его уху.

- Когда мы молимся с госпожой Белен, мы мысленно заменяем Бога Света на вас, - заговорщицки сообщила Дэнни. - Мы знаем, что это может навлечь на вас неприятности, поэтому никому постороннему не говорим.

Лицо Дэнни сияло улыбкой. Прошептав это Орвице на ухо, она отступила на полшага назад. Она ждала, чтобы увидеть выражение лица Орвицы полностью, ждала похвалы или хотя бы его улыбки.

Но реакция Орвицы ее разочаровала. Он не только не обрадовался, но даже выглядел несколько обеспокоенным.

- Я человек, Дэнни.

- Мы знаем. Вы человек, такой же, как мы. Но если бог - это бог, почему он нас не защищает? Ведь в Священном Писании сказано, что он больше всего любит невинных агнцев. Мы вырастем, сэр. Мы станем вашими защитниками и опорой. Вы должны стать богом, а не Он, - Дэнни говорила немного взволнованно, стараясь объяснить их позицию.

Орвица погладил Дэнни по голове. Эта маленькая девочка, возможно, была слишком умна. В ее голове всегда рождались какие-то невероятные идеи.

- Но я не хочу становиться богом, Дэнни, - мягко сказал он.

- ! - Дэнни застыла от такого ответа. В ее понимании бог был величайшим, высшим существом. Она не понимала, почему Орвицка отказывается. Но она не стала задавать ему этот вопрос. Раз Орвицка - бог, значит, он должен иметь право отказаться. - Тогда что мы еще можем для вас сделать?

Дэнни охватил страх. Прежней уверенности и радости как не бывало. Снова проявилась та привычка, что глубоко въелась в ее костный мозг: нужно работать, чтобы получить вознаграждение. Нужно быть полезной, чтобы тебя не бросили или не продали. Таково было мировоззрение всех детей из простонародья, включая Дэнни. Орвицка изо всех сил старался подарить им детство, но для детей он давал слишком много.

- Вы по-прежнему сможете стать моими защитниками и опорой, - сказал Орвицка. - Моими, а не бога. Если стать богом, то придется, как сейчас, выслушивать ваши вопросы о том, почему я, будучи богом, вас не защищаю.

- Ах! Нет, мы не это имели в виду! Мы, конечно, знаем, что вы не можете исполнять все просьбы. Только требовать и ничего не давать взамен - это удел жадных демонов. Я... - Дэнни, очевидно, поняла свою оплошность, но она была всего лишь девятилетней девочкой с небогатым словарным запасом. - Мы будем хорошо учиться! В будущем мы будем вашими рабочими, будем растить ваших детей, будем делать для вас жареную курицу!

Орвицка с улыбкой погладил Дэнни по голове:

- Старайтесь.

Увидев, что Орвицка наконец улыбнулся, Дэнни тоже с облегчением улыбнулась.

Проведя некоторое время с детьми, Орвицка вышел из приюта и встретил Педро и Максима, с ног до головы пахнущего сладостью (в буквальном смысле).

- Как вы до этого додумались? Это же... так просто, - похоже, Максим видел, как ученые Рода Крови пытались извлечь сахар из пшеницы, вероятно, используя всевозможные сверттехнологии, а здесь Орвицка просто посадил, потер, сварил и отфильтровал.

- Случайность, - Орвицка улыбнулся. - Можете возвращаться к Роду Крови и передать процесс. Когда вернетесь, пожалуйста, приведите людей, которых мне обещал Принц, и принесите мои 1350 золотых гербов за эту неделю. Я взял только 150, остальное ведь можно принести?

- ... - Максим почувствовал, что им пренебрегают, но возразить было нечего. - Конечно, сэр.

- Если возможно, принесите и обещанный контракт на долю в пенициллиновой фабрике. Большое спасибо, - добавил Орвицка.

Теперь Максим был уверен, что им пренебрегают.

- Хорошо, сэр.

- Педро, я попросил господина Белое Лицо помочь мне сочинить несколько песен. Если ему что-нибудь понадобится, пожалуйста, выполните его просьбу, - сказал Орвицка.

- Хорошо, сэр, - Педро был очень удивлен, что господин Белое Лицо умеет писать песни, но не колеблясь подчинился приказу Орвицки.

- Спасибо. Тогда я пошел, - Орвицка попрощался с Педро и повернулся к Максиму. - Максим, поедем обратно вместе? Здесь вы такси-повозку не дождетесь.

- Хорошо, сэр, - кивнул Максим.

Максим думал, что они снова поедут на общественном паровом трамвае, но оказалось, что они поехали на вонючей повозке для перевозки живых кур. Орвицка заплатил вознице пол-айко.

- Нам повезло, когда мы ехали сюда, успели на общественный трамвай. А обратно пришлось бы ждать неизвестно сколько, - Орвицка довольно устроился в повозке. Его нос еще не отмер, он по-прежнему чувствовал всевозможные зловония, но его устойчивость к ним была если не максимальной, то близкой к тому. - "Если бы я не смог приспособиться, то обычный человеческий запах убил бы меня. К счастью, оборотни и представители Рода Крови пахнут несильно, так что мой нос может отдыхать каждый день".

В этом отношении Орвицка явно не походил на щепетильного Принца. Максим, все время сидевший прямо, ерзал так, словно сидел на муравейнике.

Орвицка убедился: этот парень точно не бывал на настоящем поле боя.

- Ладно, до свидания, - вернувшись на улицу Подковы, где находился полицейский участок и дом Орвицки, он вместе с Максимом спрыгнул с повозки. Сначала попрощался с возницей, затем махнул рукой Максиму.

Максим остался стоять на месте, глядя, как Орвицка вприпрыжку вбегает в свой дом, оставив

его одного-одинешенька на улице.

Он вздохнул. Хотя он давно понял, что этот Наследный принц не так безобиден, как гласят слухи, он все же не ожидал, что его проучат меньше чем за полдня. Ему нужно было как можно скорее выполнить поручение Наследного принца, иначе человеком, который вернется с людьми и документами для доклада, будет уже не он.

Ор-мяу: (๐ω๐) "Мяу-мяу-мяу? Разве это не твоя работа?"

- Гасия! Я вернулся! Я хочу к тебе прижаться! - неизвестно, достигло ли его настроение дна, чтобы оттолкнуться, но увидев дверь своего дома, Орвицка вдруг почувствовал легкость и подъем. Ему даже захотелось пошутить с Далианом.

А потом он увидел... В гостиной, кроме Далиана и Анки, были еще двое знакомых.

Репортер Розенберг из "Нортон Морнинг Пост" и фотограф Тани. Все фотографии из их с Далианом свадебного альбома на память были сделаны Тани.

В комнате повисла неловкая тишина. Орвицка опустил поднятые для милого приветствия лапки.

- Кхм! Старые друзья, рад вас видеть. Похоже, у вас какие-то трудности, - сказал Орвицка, заметив, что лица Розенберга и Тани были очень серьезными. Видимо, они пришли не просто в гости.

- Да, мы специально пришли просить вас о помощи, офицер Мондэйл. Пожалуйста, спасите моего друга, Бауэра Колина, - Розенберг сразу же разволновался при виде Орвицки, - его обвиняют в убийстве его бывшего возлюбленного, господина Лоурена Баниса. Но я уверяю вас, он не причинял вреда Лоурену. Бауэр очень любил и уважал Лоурена.

- Не могли бы вы рассказать немного подробнее? - попросил Орвицка.

Взволнованный Розенберг, как и подобает репортеру, быстро изложил Орвицке историю двух молодых людей.

Семья Лоурена Баниса была типичной старомодной семьей последователей Церкви Света. Хотя

однополая любовь становилась все более распространенной, в их семье такое поведение по-прежнему осуждалось.

Но Лоурен оказался геем. Бауэр был однокурсником Лоурена по Минкоттскому университету. Они полюбили друг друга во время учебы. Лоурен, должно быть, признался своей семье, но результатом стало то, что он досрочно бросил университет, в августе прошлого года устроился помощником в юридическую фирму своего отца, а в мае этого года женился на своей троюродной сестре, мисс Лили Кокинс - теперь уже госпоже Лили Банис.

Два дня назад Лоурена нашли мертвым в гостиной собственного дома. И вот сегодня, несколько часов назад, Бауэра Колина арестовали по обвинению в убийстве Лоурена Баниса.

- ...Вот так все и было, - закончил Розенберг. - Я могу поручиться...

- Нет, пожалуйста, не говорите о поручительстве, - прервал его Орвицка. - Но почему вы пришли с таким делом ко мне? Ведь это произошло не в районе Рыбьего Хвоста? Дела вне нашей юрисдикции не входят в нашу компетенцию.

Хотя Орвицка был крайне возмущен тем, что покойный вступил в брак с женщиной, будучи геем, покойный есть покойный, и он не собирался проявлять предвзятость. Но услышав о юридической фирме, Орвицка понял, что это дело не из района Рыбьего Хвоста. Они были бедны и не могли позволить себе юридические фирмы.

- Я думал пригласить других частных детективов, - пояснил Розенберг. - Дело касается господина Баниса, который не только владелец известной юридической фирмы, но и старший член правления Ассоциации юристов Содмана. Он уже сделал заявление в ассоциации. Если какой-либо частный детектив примет наше поручение, то все юристы Содмана откажут ему в услугах. Но вы знаете, частным детективам всегда приходится немного балансировать на грани закона, и они лучшие друзья юристов. Такое заявление отпугнуло всех детективов Содмана. Раз нельзя нанять частного детектива, остается только искать помощи у официальных властей. А из официальных лиц я сейчас знаю только вас... Конечно, я также хотел воспользоваться влиянием вашего другого статуса. Но лишь немного. Наша газета, семья Колина - все мы пытаемся повлиять на это дело. Будет ли Колин повешен или освобожден, в конечном счете зависит от того, виновен он или нет.

Розенберг был довольно откровенен и не скрывал трудностей, с которыми столкнулся.

- Как вы можете быть уверены, что этот Бауэр не убивал Лоурена? - спросил Орвицка. - Мне нужны доказательства. Пожалуйста, не используйте фразы вроде "я считаю" или "я думаю".

- Бауэр, хоть и изучал право, вскоре после ухода Лоурена тоже покинул университет. Сейчас он мой коллега. Он встречался с Лоуреном лишь однажды, когда узнал о его скорой свадьбе, но, очевидно, ничего не смог предотвратить. С тех пор, хотя он и справлялся с работой, все, кто с ним общался, чувствовали, что его душа словно отсутствовала. А когда полиция арестовала его по обвинению в убийстве Лоурена, я имею в виду, когда они сообщили ему о смерти Лоурена, он был совершенно раздавлен. Очевидно, он тоже узнал об этом только тогда, - объяснил Розенберг.

По-прежнему никаких фактических доказательств, но Розенберг был непреклонен. Дальнейший отказ испортил бы их отношения.

- Если я вмешаюсь в дело другого участка без приглашения, не создаст ли это проблем для участка? - Орвицка посмотрел на Далиана.

Далиан подмигнул ему. Орвицка тут же понял его намек: если он действительно не хочет браться за это дело, Далиан его поддержит.

Поэтому Орвицка слегка улыбнулся, давая понять Далиану, чтобы тот говорил как есть. Он немного беспокоился, что Далиан не поймет.

- Проблем не будет, - сказал Далиан. - Ты можешь переодеться в гражданское, но держи при себе значок или просто надень свой высокий шлем. Многие офицеры в свободное время подрабатывают частными детективами.

Оказалось, у них все-таки было некоторое взаимопонимание.

<http://bllate.org/book/17916/1715845>